

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.5

Тип статьи в журнале – научная

**СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ
К СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ
ОПЕРАЦИИ РФ НА УКРАИНЕ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
БАЗОВЫХ МОДЕЛЕЙ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**THE SPECIFICS OF THE
ATTITUDE TO THE SPECIAL
MILITARY OPERATION
OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN UKRAINE
AS A MANIFESTATION OF
BASIC MODELS OF SOCIAL
BEHAVIOR IN RUSSIAN SOCIETY**

© 2022 г.

V. G. Gromakova*

© 2022

V. G. Gromakova*

** Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

**Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования – изучение проявлений базовых моделей социального поведения как факторов, определяющих специфику отношения россиян к специальной военной операции РФ в Украине.

Objective of the study is to examine the manifestations of basic models of social behavior as factors determining the specifics of the attitude of Russians to the special military operation of the Russian Federation in Ukraine.

Методологическая база исследования – пилотажный социологический опрос в форме интернет-анкетирования; факторный анализ эмпирических данных.

Methodological basis of the research is pilot sociological survey in the form of an Internet questionnaire; factor analysis of empirical data.

Результаты исследования. Выявлены пять факторов, определяющих степень внимания респондентов к вопросам внешней и внутренней политики РФ, их отношение к специальной военной операции и уровень доверия социально-политическим институтам. Обоснован тезис о том, что эти факторы являются проявлениями базовых моделей личности и социального поведения в российском обществе.

Research results. Five factors determining the degree of respondents' attention to the issues of foreign and domestic policy of the Russian Federation, their attitude to a special military operation and the level of trust in socio-political institutions were identified. The thesis is substantiated that the identified factors are manifestations of the basic models of personality and social behavior in Russian society.

Перспективы исследования. На основании полученных результатов сформулирована гипотеза о том, что ощущение гордости за страну может стать основой консолидации российского общества и способствовать преодолению кризиса институционального и межличностного доверия и благоприятному завершению социальной трансформации. Перспективы исследования связаны с проверкой данной гипотезы.

Ключевые слова: институциональная матрица, социальный институт, модели социального поведения, базовая личность, факторная нагрузка

Prospects of the study. Based on the results obtained, a hypothesis is formulated that a sense of pride in the country can become the basis for the consolidation of Russian society and contribute to overcoming the crisis of institutional and interpersonal trust and the favorable completion of social transformation. The prospects of the study are related to the verification of this hypothesis.

Keywords: institutional matrix, social institution, models of social behavior, basic personality, factor load

Введение. Базовые модели социального поведения, характерные для российского общества, исследовались не единожды (Linton, 1945; Kardiner, 1945; Лубский, 2015), поскольку знание их специфики является необходимым условием для понимания и прогнозирования социальных изменений. Будучи эффекторным звеном институциональной матрицы, они проявляются в социальных практиках и задают направление и границы институциональных трансформаций.

Поскольку в отличие от модальных базовые модели поведения являются неосознаваемыми, то можно предположить, что их проявления будут особенно заметными в условиях резкого изменения внутренних или внешних условий жизни общества. Ситуация, сложившаяся в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине, без сомнений, создала такие условия. Соответственно, исследование факторов, определяющих отношение к спецоперации, может оказаться информативным в плане выявления компонентов базовых моделей социального поведения. Кроме того, солидарная поддержка общества крайне важна и для достижения заявленных целей, и с точки зрения сохранения внутрироссийской социальной стабильности. Однако, как показали результаты социального опроса (Кац, 2022), общественное мнение разделилось в оценках значимости, необходимости и эффектов спецоперации.

В совокупности все вышесказанное подтверждает актуальность проведенного исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Целью исследования стало изучение проявлений базовых моделей социального поведения как факторов, определяющих специфику отношения россиян к специальной военной операции РФ на Украине.

В качестве методов исследования были выбраны пилотажный социологический опрос и факторный анализ полученных данных.

Социологический опрос проводился с использованием интернет-сервиса Google Forms¹. Выборка формировалась стихийным (удобным) способом и составила 46 человек. Поскольку цель исследования заключалась не в изучении общественного мнения и распределения оценок в генеральной совокупности, а в выявлении факторов, влияющих на принятие той или иной позиции, то главным требованием к выборке была не репрезентативность, а представленность полярных точек зрения по изучаемому вопросу. Данному требованию выборка удовлетворяла.

Факторный анализ осуществлялся с использованием пакета программ SPSS Statistics 23. Для извлечения факторов использовался метод главных компонент. Вращение факторов производилось по методу варимакс, который позволяет исключать взаимное влияние факторов.

Результаты исследования. В результате статистического анализа данных опроса было отобрано семь факторов (компонент), объясняющих 81,52 % общей дисперсии данных (табл. 1). При этом каждый из факторов 6 и 7 определял наибольшую нагрузку только по одной переменной. Такими переменными оказались пол (номинальная переменная была предварительно преобразована в дихотомическую) и возраст соответственно. Из чего можно сделать вывод, что соответствующие дисперсии и определялись собственно указанными переменными, которые не оказывали существенного влияния на характер ответов респондентов в содержательной части опроса. Поэтому из дальнейшего анализа факторы 6 и 7 исключены.

Таблица 1

Объясненная совокупная дисперсия

Компонент	Начальные собственные значения		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	11,623	40,079	40,079
2	3,444	11,876	51,955
3	3,219	11,101	63,056
4	1,763	6,078	69,135
5	1,485	5,120	74,254
6	1,080	3,724	77,979
7	1,027	3,542	81,520

¹ С текстом анкеты можно ознакомиться по адресу: <https://docs.google.com/forms/d/1m4qVTxEwxVUAA5nPuB0nY-9E885RAQNKSVJyhmmwt2k/edit>

Сила корреляционных связей переменных с найденными факторами выражается факторными нагрузками. Их значения для остальных переменных, в качестве которых в данном исследовании выступили ответы респондентов, представлены в табл. 2.

Максимальная нагрузка по фактору 1 отмечалась по тринадцати переменным, в число которых вошли почти все оценки, касающиеся специальной военной операции на Украине. Среди них – доверие к информации с брифингов Министерства обороны, одобрение целей спецоперации (защита народа Донбасса, ликвидация угрозы со стороны НАТО), чувство гордости за свою страну, прогнозы относительно результатов спецоперации, а также ее последствий в политической и экономической сферах. С учетом того, что все выявленные связи носили положительный характер, фактору 1 было дано условное название «патриотизм» (как вера в свою страну).

Таблица 2

**Факторные нагрузки на переменные
(характер ответов респондентов на вопросы анкеты)**

Переменные	Фактор				
	1	2	3	4	5
1. Интересуетесь ли Вы международной политикой?	0,15	-0,11	0,10	0,88	0,08
2. Следите ли Вы за событиями на Украине?	0,02	-0,14	0,18	0,76	0,03
3. Каким источникам информации (российским или иностранным) Вы больше доверяете?	-0,39	-0,23	0,70	-0,15	0,01
4. Слушаете ли Вы брифинги Минобороны РФ?	0,65	0,32	-0,14	0,29	-0,04
5. Как, на Ваш взгляд, проведение спецоперации сказалось на положении России на международной арене?	0,91	0,20	-0,16	0,15	-0,08
6. Участвуете ли Вы в обсуждении спецоперации в кругу своих знакомых и в соцсетях?	0,27	-0,31	0,16	0,08	0,17
7. Как, по Вашим ощущениям, отреагировало российское общество на действия РФ на Украине?	0,53	0,51	0,27	0,13	0,31
8. Каким образом текущие события на Украине повлияли на целостность российского общества?	0,80	0,20	0,09	0,17	-0,22
9. Беспокоят ли Вас лично экономические санкции, введенные против РФ? (1 – max, 7 – min)	0,73	0,26	0,03	-0,16	0,10
10. Как Вы оцениваете риски начала третьей мировой войны из-за текущих событий?	-0,04	-0,09	-0,23	0,16	0,87
11. Какова была Ваша реакция на начало специальной операции?	0,81	0,05	-0,12	0,08	0,02
12. Как Вы считаете, должна ли была РФ вмешиваться в ситуацию на Донбассе?	0,73	0,34	-0,27	0,17	-0,21
13. Разделяете ли Вы точку зрения о том, что перспектива вступления Украины в НАТО угрожала безопасности России?	0,55	0,23	-0,41	0,38	-0,34

Переменные	Фактор				
	1	2	3	4	5
14. Насколько в целом объективно обоснованным, на Ваш взгляд, было решение о проведении спецоперации?	0,83	0,23	-0,17	0,25	-0,29
15. Как, на Ваш взгляд, выглядит наиболее вероятный исход специальной операции России на Украине? (min – победа Украины, max – победа РФ)	0,75	0,37	-0,15	-0,04	0,19
16. Насколько долго, по Вашим ощущениям, еще продлится специальная операция?	-0,01	-0,02	-0,70	-0,36	0,30
17. Каким образом, по Вашим ощущениям, события на Украине могут с наибольшей вероятностью сказаться на внутриполитической ситуации в России?	0,86	0,12	-0,02	-0,17	0,33
18. Какие события, на Ваш взгляд, с наибольшей вероятностью могут произойти в России вследствие спецоперации на Украине?	0,81	0,33	-0,25	-0,09	-0,02
20. Насколько Вы интересуетесь внутренней политикой РФ?	0,05	0,14	0,48	0,49	0,28
22. Как бы Вы в целом охарактеризовали изменения в жизни российского общества за последние пять лет?	0,54	0,48	0,16	0,15	-0,03
23. Оцените уровень вашего доверия следующим социально-политическим субъектам в РФ:					
23.1. Президенту	0,53	0,79	0,06	0,04	-0,03
23.2. Правительству	0,51	0,67	0,26	0,11	-0,36
23.3. Парламенту	0,24	0,84	0,17	-0,05	-0,21
23.4. Полиции и Росгвардии	0,17	0,88	-0,10	-0,16	0,04
23.5. Армии	0,45	0,80	-0,12	0,10	-0,02
23.6. Суду	0,21	0,80	-0,15	-0,31	0,07
23.7. Оппозиционным силам	-0,18	0,19	0,81	0,22	-0,11

Особо хотелось бы отметить связь фактора «патриотизм» с готовностью терпеть экономические лишения (переменная 9) ради достижения целей спецоперации и укрепления позиций России в мире. Следовательно, при высоком значении фактора «патриотизм» теряет актуальность такая особенность базовой модели социального поведения, касающаяся взаимодействия россиян с государством и отмеченная в ряде исследований (Карамурза, 2009; Лубский, 2013), как патернализм, поскольку поддержка действий властей выказывается явно не в обмен на заботу государства о материальном благополучии граждан.

Дисперсия переменных, связанных с уровнем доверия социально-политическим институтам, а также президенту, преимущественно объяснялась действием другого фактора – фактора 2 (обозначим его как «доверие государству»), и это примечательно сразу по трем причинам.

Во-первых, подтверждается отраженный в научных публикациях тезис о том, что представления россиян о государстве в значительной

степени персонифицированы с образом национального лидера и тесно связаны с доверием к нему лично (Лубский, 2015).

Во-вторых, отсутствие связи между верой в страну и доверием государственным институтам противоречит представлениям о том, что для российского менталитета характерно также отождествление отечества с государством и личностью президента. Результаты факторного анализа показывают, что отношение к стране, с одной стороны, и к государству и президенту – с другой, определяется влиянием разных факторов.

В-третьих, факт поддержки действий правительства вне зависимости от уровня доверия государственным институтам, возможно, дает ответ на вопрос о пути выхода из трансформационного кризиса в условиях низкого межличностного и институционального доверия в обществе, что рассматривалось как актуальная социальная и политическая проблема в ряде исследований (Мартьянов, 2017; Громакова, 2021). Ответ на вопрос заключается в том, что консолидация российского общества возможна, несмотря на кризис доверия, при условии, что людям будут даны основания для гордости за свою страну.

Описанные выше результаты исследования по фактору «патриотизм» могут трактоваться и как свидетельство того, что значимость веры в свою страну является компонентом российской институциональной матрицы наряду с комплексом признаков, выделенных С. Г. Кирдиной (Кирдина, 2014), а также неотъемлемой частью базовой модели социального поведения и, следовательно, важнейшим фактором консолидации общества. В пользу второй части тезиса можно привести пример из недавней истории. Речь идет об изменении характера общественной информационной повестки, предшествовавшем распаду СССР, а именно о критике партии, режима, советской системы, советского прошлого (Савченко, 2016). Как только «единый, могучий» в сознании значительной части граждан превратился в постыдный «совок», стабильная (несмотря на проблемы в экономике) социальная система дала сбой и начала разваливаться. Импульс к распаду государства и стремительной атомизации общества был задан элитами, но социум даже не попытался воспротивиться. И в свете полученных результатов предположение о том, что значимым фактором пассивности населения стал подрыв обусловленного спецификой институциональной матрицы базиса консолидации, выглядит вполне логичным.

Не исключено, что значимость для консолидации и развития российского общества фактора «патриотизм», тесно связанного с дихотомической шкалой «гордость/стыд» за страну, давно известна внешнеполитическим оппонентам, которые через внутрироссийские оппозицион-

ные структуры систематически пытаются навязать россиянам именно чувство стыда.

Примечательно, что переменные 3 (доверие иностранным источникам информации) и 23.7 (доверие оппозиционным силам) оказались наиболее нагружены общим фактором 3 – условно назовем его «оппозиционность». Интересно, что также преимущественно данным фактором объясняется и дисперсия переменной 16 (предполагаемая длительность спецоперации), причем связь отрицательная, т. е. чем выше влияние оппозиционности, тем более быстрого завершения военных действий ожидает респондент. И здесь, несмотря на статистическую слабость связи фактора «оппозиционность» с переменной 15 (прогноз результатов спецоперации), все-таки нельзя не отметить отрицательное значение этой связи. Кроме того, обращает на себя внимание довольно существенная, хотя и не доминирующая отрицательная нагрузка фактора «оппозиционность» на переменную 13 (отрицание угрозы со стороны НАТО).

Далее рассмотрим оставшиеся факторы.

Фактор 4 («политичность») явился определяющим для объяснения дисперсии по переменным 1 (заинтересованность международной политикой), 2 (мониторинг событий на Украине) и 20 (заинтересованность вопросами внутренней политики РФ). Относительно данного фактора представляется интересным то, что он не имел определяющего значения для тех оценок, которые респондент высказывал по вопросам украинского кризиса и специальной военной операции, т. е. и те, кто поддерживает действия правительства, и сторонники противоположных взглядов политизированы примерно в равной степени. При этом общий уровень политизированности респондентов был высоким: средние значения субъективных оценок интереса к вопросам международной и внутренней политики, а также ситуации в Украине составили 5,3; 5,4 и 6,2 соответственно при максимальном значении 7. Таким образом, в данной части полученные результаты свидетельствуют в пользу концепта «человека политического» как характеристики базовой личности и базовой модели поведения россиян.

Фактор 5 оказался определяющим только для одной переменной, а именно субъективного ощущения рисков начала третьей мировой войны вследствие текущих событий. Примечательно то, что данный фактор не стал решающим ни для одобрения/неодобрения спецоперации, ни для доверия/недоверия государству. Соответственно, можно сделать вывод о том, что страх не детерминирует позиции россиян по отношению к тем или иным политическим решениям. Причем данное качество (деятельное бесстрашие – способность поступать вопреки страхам), по мнению

автора настоящей статьи, также вполне органично дополняет уже представленный в научном дискурсе набор характеристик базовой модели социального поведения в российском обществе.

Заключение. Обобщая вышеизложенные результаты факторного анализа данных пилотажного социологического опроса, можно сделать следующие выводы:

1. Выявлены пять невзаимосвязанных факторов, определивших характер ответов респондентов на вопросы анкеты, которым по совокупности зависимых переменных были даны условные названия: «патриотизм», «доверие государству», «оппозиционность», «политичность» и «страх третьей мировой войны». Причем уровень одобрения специальной военной операции РФ на Украине практически полностью определялся действием фактора «патриотизм».

2. В отношении респондентов к событиям на Украине в феврале-марте 2022 г. проявились такие известные ранее черты базовой модели социального поведения российских социальных акторов, как высокий интерес к политической сфере жизни и персонифицированное восприятие государственной власти.

3. Получены эмпирические доказательства того, что патриотичность является компонентом базовой модели социального поведения, который проявляется как готовность поддерживать решения властей, несмотря на сопутствующие неудобства и риски, при условии, что наличествуют основания для гордости за свою страну.

4. Получены эмпирические основания для рассмотрения способности к действию вопреки страху как еще одного компонента базовой личности и базовой модели поведения в российском обществе.

5. Продемонстрирована независимость факторов «патриотизм», «доверие государству», «оппозиционность» друг от друга. Следовательно, отношение россиян к отечеству и к государству не являются тождественными, так же как «оппозиционность» необязательно является альтернативой «патриотизму».

Литература

Громакова В. Г. Институциональная трансформация в России: состояние, социальный механизм, перспективы // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 2. С. 42–49.

Кара-Мурза С. Г. Государственный патернализм – цивилизационное измерение

References

Gromakova, V. G. (2021). Institutional transformation in Russia: state, social mechanism, prospects. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya*, 2, 42–49. (In Russian).

Kara-Murza, S. G. (2009). State paternalism – civilizational dimension. *Nauchnyy*

[Электронный ресурс] // Научный эксперт. 2009. № 12. Режим доступа: http://www.marusrand.ru/text/Jornal12_2009.pdf.

Кац М. «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян [Электронный ресурс] // Russian Field. 26–28 февраля 2022 года. Режим доступа: <https://russianfield.com/netvoine>.

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. 3-е изд. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Ростов н/Д., 2015. 60 с.

Мартыанов В. С. Доверие в современной России: между поздним модерном и новой сословностью? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Т. 17, вып. 1. С. 61–82.

Савченко А. Е. СССР 1985–1991 гг.: история случайной самоликвидации власти? // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 66–81.

Kardiner A., Lipton R. The Individual and His Society. N.Y.: Columbia University Press, 1945.

Linton R. The Cultural Background of Personality. N.Y.; L., 1945. P. 1–26.

Для цитирования: Громакова В. Г. Специфика отношения к специальной военной операции РФ на Украине как проявление базовых моделей социального поведения в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2022.2 (54). Т. 11. С. 68–77.
DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.5

ekspert, 12. Available at: http://www.marusrand.ru/text/Jornal12_2009.pdf. (In Russian).

Katz, M. (2022). “Special military operation” in Ukraine: the attitude of Russians. *Russian Field*. February 26-28. Available at: <https://russianfield.com/netvoine>. (In Russian).

Kirdina, S. G. (2014). Institutional matrices and the development of Russia: an introduction to X-Y theory. 3rd ed. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian).

Lubsky, A. V., Lubsky, R. A. (2013). Statism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 3, 90–103. (In Russian).

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: methodology of multidimensional research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation Abstract, Rostov-on-Don). (In Russian).

Martyanov, V. S. (2017). Trust in modern Russia: between the Late Modern and the new estate? *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. Yekaterinburg, 17, 1, 61–82. (In Russian).

Savchenko, A. E. (2016). USSR 1985–1991: the history of accidental self-destruction of power? *Russia and ATR*, 3 (93), 66–81. (In Russian).

Kardiner, A., Lipton, R. (1945). The Individual and His Society. New York: Columbia University Press.

Linton, R. (1945) The Cultural Background of Personality. New York, London, 1–26.

История статьи:

Поступила в редакцию – 24.03.2022 г.
Получена в доработанном виде – 04.05.2022 г.
Одобрена – 11.05.2022 г.

Сведения об авторе

Громакова Виктория Георгиевна

Кандидат биологических наук, доцент,
Институт социологии
и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160,
e-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Information about author

Victoria Georgievna Gromakova

Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University

160 Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344006,
e-mail: victoriagromakova@yandex.ru